

УДК 343.23

О.В. Ермакова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermakova_alt@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

В представленной статье автор анализирует проблему создания составов преступлений, актуальность которой несомненна в условиях нестабильности уголовного закона. На основе общей теории состава преступления автором показываются недостатки и пробелы существующего учения, препятствующие построению унифицированного нормативного правового акта. В частности, автором отмечается отсутствие единого понимания объекта преступления, классификации составов преступлений по моменту окончания, однозначного толкования преступных последствий. При этом, по мнению автора, основная проблема заключается в неразработанности тех оснований и условий, которыми должен руководствоваться законодатель, формулируя состав преступления. Отдельное внимание в работе уделяется понятию и этапам моделирования состава преступления, т.е. процессу создания конструкции. Руководство представленной теорией позволит перейти от хаотичного построения законодательных предписаний к единым моделям.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, моделирование состава преступления, общий и конкретный состав преступления, признаки состава преступления.

O.V. Ermakova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermakova_alt@mail.ru

MODELING OF STRUCTURE OF A CRIME: THE CONCEPT AND PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION

The author of the article analyzes the problem of creating elements of crimes, the relevance of which is undoubtedly in the conditions of instability of the criminal law. Based on the general theory of corpus delicti, the author shows the shortcomings and gaps in the existing doctrine that prevent the construction of a unified normative legal act. In particular, the author notes the lack of a common understanding of the object of the crime, the classification of crimes by the moment of completion, and the unambiguous interpretation of the criminal consequences. At the same time, according to the author, the main problem is the lack of development of the grounds and conditions that should guide the legislator when formulating the crime. Special attention is paid to the concept and stages of modeling the composition of the crime, that is, the process of creating a structure. The guide to the presented theory will allow to move from the chaotic construction of legislative regulations to unified models.

Key words: crime, crime modeling crime, general and specific offence, the elements of the crime.

Действующий Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) отличается нестабильностью, поскольку количество вносимых в него изменений и дополнений более 1000 (если быть более точным, то на 27.12.2019 их было 1027).

При этом принимаемые уголовно-правовые нормы зачастую противоречат друг другу, отличаются сложностями в толковании, что, несомненно, приводит к проблемам квалификации преступлений. Такое положение привело к необходимости создания нового уголовного закона (о чем уже неоднократно заявляли высшие должностные лица государства).

Однако полагаем, что само по себе принятие другого закона не исправит существующее положение, поскольку необходимо критическое осмысление тех просчетов и ошибок, которые допущены законодателем.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе Особенной части УК РФ, – это разнообразие представленных предписаний, выражающееся как в различиях в описании деяния, так и в количественных вариациях обязательных признаков, указанных в норме. При этом даже схожие деяния отражаются в нормах закона неодинаково. Это явно прослеживается на примере составов, в которых ответственность предусматривается за воспрепятствование (в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 УК РФ) отсутствует конкретизация способа, при этом закрепляются преступные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента; состав воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) уже включает способ совершения деяния и не содержит указания на последствия; состав воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) не содержит ни способа, ни последствий, зато включает разнообразные формы самого деяния и специальный субъект и т.д.); за склонение (в составе склонения к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ) законодателем обозначаются способы; состав склонения к потреблению наркотических средств (ст. 230 УК РФ) вообще не содержит никаких признаков, кроме предмета и преступного деяния).

Отмеченное свидетельствует о хаотичности принимаемых положений уголовного закона, об отсутствии какой-либо общей теории создания уголовно-правовых норм. Вместе с тем, не отрицая самостоятельности воли законодателя, необходимость следования общим правилам очевидна, поскольку только в этом случае количественное многообразие приобретёт унифицированный характер.

В этой части следует отметить, что в уголовном законе криминализируемые деяния обретают юридическую оболочку при помощи конструкции состава

преступления. Выступая средством законодательной техники, они представляют собой модели [4, с. 67], образцы, прообразы деяний, существующих в объективной действительности.

Несмотря на то что российское уголовное право заимствовало учение о составе из германской теории, в российской трактовке состав включал в себя не только объективные, но и субъективные элементы [1, с. 105].

В советский период наука уголовного права основное внимание уделяла разработке общей теории состава преступления [8], в современное же время ориентиры переместились на анализ конкретных составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ. Подобное смещение научных разработок имеет несомненные недостатки, заключающиеся в том, что без решения общих вопросов создания состава преступления невозможно построить научно обоснованные конструкции. Соответственно, только наличие единой теории состава преступления, раскрывающей не только структуру, но и особенности создания конструкций, позволит сформировать целостный нормативный правовой акт.

Несмотря на многочисленные исследования состава преступления, проводимые в советский период, многие вопросы его понимания не нашли однозначного ответа.

Во-первых, до сих пор остается неясным, что представляет собой объект преступления.

Современная уголовно-правовая наука отличается плюрализмом мнений относительно сущностной характеристики объекта – это и общественные отношения [2, с. 131], и человек [6, с. 65-68], и блага [5, с. 157] и т.д.

Непоследователен в решении вопроса объекта преступления и российский законодатель, поскольку в одном случае (например, глава 19 УК РФ) объект определяется как права, в другом (глава 23 УК РФ) – как интересы.

Полагаем, что господствующая в советский и постсоветский период трактовка – объект преступления есть общественные отношения – является универсальной, полностью отражает сущность и механизм причинения вреда. Соответственно, законодателю необходимо избрать унифицированный подход к определению объекта преступления, руководствуясь которым отражать охраняемые общественные отношения в разделах и главах уголовного закона.

При этом следует принимать во внимание классификацию объектов преступления по вертикали, положенную в основу деления Особенной части УК РФ на разделы и главы. Нижестоящий объект, выделяемый в рамках этой классификации, должен входить в плоскость вышестоящего. Иначе говоря, родовый объект выступает частью общего, видовой – частью

родового, непосредственный – частью видового. При отражении охраняемых общественных отношений в названиях разделов и глав УК РФ необходимо учитывать указанную особенность.

Вместе с тем представленное требование соблюдается законодателем не всегда. К примеру, название главы 24 «Преступления против общественной безопасности» предопределяет, что видовым объектом выступает именно безопасность общества. Однако в данной главе охраняется не только общественная безопасность, но и общественный порядок (ст. 213, 214 УК РФ). А учитывая, что непосредственный объект должен выступать частью видового, очевидным представляется неудачное отражение видового объекта в главе 24 УК РФ.

Во-вторых, несмотря на то, что законодателю предоставлено право перемещать момент окончания преступления на различные этапы преступного деяния, до настоящего времени не разработана классификация составов преступлений. При этом вопросы вызывает не только количество выделяемых видов составов преступлений, но и само основание классификации.

Одни исследователи в рамках данной классификации выделяют формальные и материальные составы, понимая под первыми составы, в объективную сторону которых законодателем не включены общественно опасные последствия, а под вторыми – составы, содержащие в себе такие последствия. При этом любые иные разновидности составов по конструкции рассматриваются как варианты формальных или материальных составов (например, усеченные составы – как вариант формального состава). Другие ученые добавляют к этим двум видам составов одну или несколько дополнительных классификационных групп, в частности усеченные составы, составы опасности [3, с. 68-72].

Считаем, что отсутствие четкой классификации составов по моменту окончания преступления существенно усложняет толкование закона, а также приводит к ошибкам выбора той или иной стадии совершения преступления при осуществлении квалификации деяния.

Разработка такой классификации должна основываться на особенностях развития преступного деяния во времени, иначе говоря, на тех этапах, которые характеризуют данное преступление (их можно именовать механизмом совершения деяния). Так, для одних преступлений характерно наступление последствий (например, убийство), для других – последствия сливаются с самим деянием и самостоятельного выражения не имеют (к примеру, изнасилование).

Количественная характеристика видов составов преступлений по моменту окончания также должна соответствовать этапам механизма преступного

деяния, которые законодатель вправе избрать для признания преступления окончанным. В частности, такой момент может устанавливаться на этапе подготовительных действий, начала совершения деяния, полного завершения деяния, наступления преступного результата.

В-третьих, в рамках общей теории состава преступления до настоящего времени нет четкого понимания сущностной характеристики преступных последствий. Представленное в научной литературе терминологическое многообразие заключается в оперировании такими терминами, как вред, ущерб, размер, последствия, результат и т.д.

Полагаем, что произошло смешение количественных и качественных показателей тех изменений, которые наступают после совершения преступного деяния. Так, синонимичными выступают термины «последствия» и «результат», по своему лексическому значению отражающие конечный итог совершения деяния. Содержание же данного итога является вредоносным, поэтому проявляется в терминах «вред» и «ущерб», которые тоже выступают в качестве синонимов.

В-четвертых, в современной уголовно-правовой науке не решена проблема определения форм вины в различных конструкциях составов преступлений. Все дело в том, что предложенные законодателем формулы разновидностей умысла и неосторожности основываются на различном отношении виновного к наступлению преступных последствий. Соответственно, возникает вопрос, а возможны ли разновидности вины в преступлениях, сконструированных по типу тех составов, которые не включают указанный признак.

По нашему мнению, законодатель при использовании конструкций «составов без последствий» изначально предполагает наличие только прямого умысла. Такой вывод основывается на том обстоятельстве, что в тех составах, где законодатель не отражает преступные последствия, невозможно уяснить отношение виновного к данному признаку.

В-пятых, в современной теории уголовного права вообще не исследован вопрос о том, в соответствии с какими факторами законодатель осуществляет отбор признаков состава преступления, а также определяет вид конструкции окончанного преступления.

Не оспаривая самостоятельность законодателя при формировании конструкции состава преступления, полагаем, что наличие и руководство единой теорией позволят создать логически выверенный, концептуально унифицированный нормативный правовой акт. Такая теория должна именоваться моделированием состава преступления, поскольку используемый термин по своему лексическому значению означает не только построение, но и анализ моделей

реально существующих объектов [7, с. 147] (а состав и есть прообраз реально существующего деяния).

Моделирование представляет собой сложный процесс, в связи с чем целесообразно его осуществление разделить на определенные этапы.

На первом этапе законодателю следует проанализировать общественно опасное деяние, которое объявляется преступным с целью определения его типичных черт, особенностей этапов осуществления и т.д. Совокупные знания о запрещаемом деянии должны составлять основу будущей модели.

На втором этапе законодатель должен выбрать те признаки, которые для данного деяния будут признаваться обязательными. При этом, несмотря на то, что в общей теории состава преступления признаки подразделяются на обязательные и факультативные, а отдельные признаки выступают необходимыми для любого состава преступления независимо от вида, на данном этапе определяется не только их количество, но и содержание всех признаков, которые будут включаться в конструкцию.

Таким образом, второй этап предполагает решение следующих вопросов:

- для признаков, являющихся обязательными применительно ко всем составам преступлений, определяется их содержание и форма. В частности, законодатель избирает вид деяния, уровень поведения, для него характерный; форму вины; минимальный возраст уголовной ответственности (хотя возрастной порог отражается не в каждом составе, а в общей норме (ст. 20 УК РФ), данный вопрос выступает обязательным при моделировании состава преступления);

- для факультативных признаков решается необходимость включения в конструкцию конкретного состава преступления, а также определяется их содержание.

Полагаем, что отбор факультативных признаков представляет особую сложность, поскольку само

содержание данных признаков четко не определено даже применительно к общей теории состава преступления (например, понимание предмета преступления, обстановки, средств и орудий нельзя отнести к числу единообразных); к тому же, как уже отмечалось, отсутствуют критерии признания данных признаков обязательными. Вместе с тем необходимо помнить, что включение любого факультативного признака в конструкцию создаст дополнительные условия при привлечении к уголовной ответственности и квалификации деяния по данной норме. Именно поэтому в этой части следует проводить комплексные исследования содержательной характеристики факультативных признаков, а также разработки критериев необходимости их введения в состав.

В результате деятельности законодателя на данном этапе оказываются отобранными все обязательные признаки будущего состава преступления, а также определено содержание элементов.

Третьим этапом моделирования состава преступления является юридическое выражение каждого признака в создаваемой конструкции. Именно в данном блоке, руководствуясь правилами законодательной техники, состав преступления получает завершённую форму, которая в последующем получит свое закрепление в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

При этом осуществление каждого этапа должно сопровождаться обязательным обращением законодателя к анализу общественно опасного деяния – оригиналу и механизму его осуществления.

Таким образом, теория состава преступления, соединенная с особенностями конкретно совершаемого деяния определенного вида должна выступать основой для моделирования состава преступления. Однако наличие проблем понимания отдельных элементов и признаков, отсутствие четкой классификации составов требуют своего восполнения с целью построения унифицированных конструкций.

Литература

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903. 628 с.
2. Винокуров В.Н. Объект преступления как двухуровневая система и квалификация деяний // Современное право. 2017. № 10. С. 126-131.
3. Ермакова О.В. Законодательные конструкции составов преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. 134 с.
4. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1: Общая часть. М.: БЕК, 1999. 426 с.
6. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
7. Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Дрофа, 2000. 1209 с.
8. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.